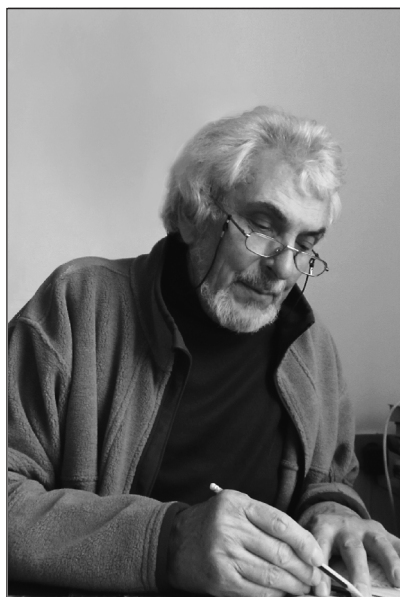

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

Памяти Юрия Ивановича Саенко

Ушел из жизни Юрий Иванович Саенко

Человек многогранного таланта. Один из плеяды ученых, кого можно назвать мыслителем Украины.

Математик, экономист, культуролог, будучи равнодушным человеком с высоким чувством долга перед страной и окружающими его людьми, не мог не оказаться в науке об обществе. Юрий Иванович стоял у истоков украинской социологии, был одним из основателей Института социологии Национальной академии наук. Внес существенный вклад в разработку основных направлений исследований украинского социума.

Обоснованная Юрием Ивановичем методология экспертизы национальных программ и проектов стала незаменимым пособием для социологов Украины, во многом сделала социологическую науку востребованной практикой.

После Чернобыльской катастрофы Юрий Иванович инициировал и возглавил исследование социально-психологических последствий катастрофы. В течение всех последующих лет являлся международным координатором по чернобыльской тематике, заложив основы теории социальных рисков.

Научные идеи Юрия Ивановича реализуются и развиваются его учениками и коллегами в отделе социальной экспертизы Института социологии.

Своим творческим наследием Юрий Иванович навсегда останется среди живущих и будущих поколений ученых-обществоведов — и всегда будет жить в социологической науке.

Дирекция Института социологии НАН Украины

Смерть — естественна. С древнейших времен феномен этот был включен в смысловую ткань культуры, представляя собою одну из фундаментальнейших координат духовной жизни любого социума.

Смерть как символ и смысл позволяла человеку противостоять хаосу и одиночеству, преодолевая трагизм конечности своего существования нравственной связанностью своей случайности со всемирной размерностью Космоса и родственностью души каждого из нас всем нам.

История (как и биография каждого человека) по определению лжива, поскольку выхватывает из континуума жизненных смыслов отдельные кусочки, наделяя их какой-то исключительной значимостью. История по определению лжива, поскольку выстраивает эти бессмысленные фрагменты в кривое зеркало причинно-следственной связи, замыкающей бесконечный жизненный горизонт в клетку повседневности. История по определению лжива, поскольку приносит в жертву индивидуальное право быть свободным рабскому существованию закона.

История и смерть. Обстоятельства времени и места. Обстоятельства, которые всегда выше нас. Маски, за которыми удобно прятать отсутствие воли и прятаться от ежедневной необходимости быть человеком и нести трагическую ношу ответственности за всех, “кого ты приручил”.

Всех нас, отдел социальной экспертизы, “приручил” бессменный шеф отдела Юрий Саенко.

Память о нем, бессмертие его души, бессмертие наших душ в совести каждого из нас — тех, кто остается и помнит об этой невидимой ниточке, навсегда связывающей нас — и мертвых, и живых, и нерожденных.

*Отдел социальной экспертизы ИС НАНУ
Центр социальных экспертиз ИС НАНУ*

Памяти Юрия Ивановича Саенко

Смерти нет. Реальность, в которой мы живем, конструируется в каждом нашем отдельном биографическом опыте, часто причудливо и непонятно для внешнего наблюдателя. Кто, как и когда внедрил это “Смерти нет!” в ту конструкцию реальности, по лекалам которой разворачивалась жизнь Юрия Ивановича, сказать не сможет никто. Но это просвечивалось сквозь все его поступки — часто непонятные во всей своей многогранности, неожиданные и невероятно притягательные.

Если бы мы стали измерять по шкале Богардуса дистанцию между собой и Жизнью, то у Юрия Ивановича она бы оказалась минимальной. Он готов был видеть Жизнь и своей соседкой, и собеседницей, и попутчицей, и родственницей. Но больше всего, похоже, ему нравилось видеть ее партнером по Игре. Прежде всего потому, что арсенал известных ей игр был неисчерпаем, и он с радостью подключался ко всему, во что она ему предлагала поиграть.

Когда слушаешь, как говорят о нем его бывшие коллеги, ученики, друзья, соратники, то понимаешь — этих игровых площадок у него было множество, и он самозабвенно и с полным погружением играл на каждой из них. Часто партнеры по одной площадке не догадывались о существовании другой. Он нас щадил. Такое не всем дано — быть в одном кругу талантливым актером, сыгравшим главную роль в фильме по Марку Твену, в другом — преподавать в театральном вузе предмет, очень далекий от того, что делалось на еще одной игровой площадке — кибернетической. А там шло построение АСУ, поиск программ оптимального управления. А еще был любимый город Киев, множество сделанных им фотографий тех мест, которые уже давно стали историей. Партнеры по этой игре помогали делать выставки на Андреевском спуске и искренне верили, что именно это — его главное дело по жизни. Но таких дел было еще очень много.

И, может, одной из самых главных его игр была игра в Страну, Украину. В этой игре, как и во всех остальных, было много романтики и веры. Он хотел видеть свою страну свободной, красивой, чистой и светлой. Мне кажется, прообразом для этого служил маленький городок в Николаевской области, где прошло его детство. И детская память вынесла оттуда картинку удивительно гармоничного слияния многих культур — украинской, болгарской, румынской, русской, еврейской. И все было комфортно в этом тихом микрокосмосе маленького южного городка. Так это видел маленький Юра, так об этом рассказывал нам Юрий Иванович. В утраченный Рай своего детства мы все хотим вернуться. Юрий Иванович хотел этого Рая для всех нас в нашей стране.

Еще одной из его любимых игр была социология. Играл он в нее так же уверенно, безоглядно и увлеченно, как и во все другие свои игры. Писал и говорил смело, легко, крупными мазками. И при этом — с юмором о самом серьезном. Его последняя книжка — “ПРО Соціум” — как бы последнее весело-мудрое послание всем нам. Между построенными им строгими и серьезными цифрами-индексами, касающимися самых разных сторон нашей жизни, — его же легкие и веселые рисунки об этих же сторонах жизни. Разорваны шаблоны, но они для него никогда и не существовали.

Он улетел от нас в свои только ему ведомые фантастические миры. Нам осталась память. Пусть она будет долгой и светлой. Будем помнить.

Любовь Бевзенко

Личные воспоминания о Ю.И.Саенко

Счастливая случайность судьбы свела меня с Юрием Ивановичем 55 лет назад в далеком 1961-м — с совсем молодым, слишком худым и высоким Юркой, в таком же молодом Институте кибернетики АН УССР, как и все, кто был тогда в нем — от директора (в будущем всемирно известного В.М.Глушкова) до машинисток и секретарш.

То была удивительная пора настоящей романтической кибернетики, неподдельного энтузиазма и великих надежд — пора “шестидесятников” в кибернетике. В Институте господствовал несравненный творческий дух. Отношения в коллективе были искренними и дружескими.

Эта атмосфера стала решающей в формировании дальнейшей судьбы Юрия Саенко как научного работника, известного ученого в области социологии.

Юрий обладал удивительным даром общения с людьми, чрезвычайной толерантностью, но при этом принципиально отстаивал свои взгляды. Мы с ним хоть и разные по характеру и темпераменту, “нашли друг друга” с первого дня знакомства и сохранили эти отношения до последнего.

Многогранность дарования Юрия — фотограф (на профессиональном уровне на всю жизнь!), кинолюбитель, карикатурист, баскетболист — артистическая натура, неисчерпаемая энергия и веселый характер сразу сделали его “верховодом” в нашем молодежном коллективе. Чего стоили одни лишь новогодние “Кибертонии”, проходившие в “Октябрьском дворце” в битком набитом зале (!), где он был “первой скрипкой”! Разве такое можно сравнить с нынешними напыщенными “корпоративами”?

Эта многогранность не давала ему покоя и в научной деятельности — звала к новым научным горизонтам — Институт экономики АН УССР, Театральный институт им. Карпенко-Карого. Наконец “окончательная гавань” — Институт социологии АН Украины.

Юрий Иванович за это время стал известным ученым в экономике и социологии, доктором наук, профессором, заместителем директора Института социологии.

Более двух десятилетий наши научные “дорожки” не пересекались. Наши отношения не прекращались, но были сугубо дружескими, семейными.

Я продолжал работать в Институте кибернетики над теоретическими проблемами кибернетики, а потом в отделе разработки и внедрения специализированной системы предварительного анализа и поддержки принятия сложных технических и технологических решений.

И вот в этих совершенно разных областях наши творческие дороги вновь сошлись.

В первые годы нашей независимости перед Администрацией Президента Украины — тогда Президентом был Л.М.Кравчук — встал вопрос анализа и прогнозирования социальных процессов в регионах Украины. Был сформирован рабочий коллектив на базе нашей “команды системщиков” и “социологического обеспечения” в лице профессора Ю.И.Саенко.

И тогда я открыл для себя нового, неизвестного мне раньше Ю.И.Саенко — зрелого ученого, равнодушного гражданина, пламенного патриота Украины.

Детально останавливаюсь на этой проблеме, поскольку в качестве “пилотного” региона был выбран Донбасс! Наш анализ еще в 1992 году наглядно продемонстрировал пренебрежительное отношение к Донбассу центральной власти и предупредил о росте протестных настроений среди населения региона. Досадно, но “сверху” этого не услышали, а когда Президентом стал Л.Д.Кучма — вообще работу в этом направлении прекратили.

Но Ю.И.Саенко не “сложил рук” — в то время у него было личное кардинальное направление исследований — социальные последствия Чернобыльской катастрофы. Этой теме он посвятил тридцать лет своего творчества. До последнего, уже тяжело больной, он активно руководил исследованиями по этой тематике. Ю.И.Саенко стал мировым авторитетом по данным вопросам. Когда произошла катастрофа в японской Фукусиме, к нему, как к “гуру”, обратились японские специалисты за советами. Еще в ноябре прошлого года они приезжали, но критическое состояние Юрия Ивановича сделало невозможным их сотрудничество.

После совместной работы на Администрацию Президента наши творческие научные пути уже больше не расходились — под влиянием анализа Донбасса, Чернобыля возник общий интерес к изучению объективных процессов развития нашей цивилизации в целом. Было написано и опубликовано несколько важных, на наш взгляд, интересных трудов. А когда началась российская агрессия против Украины, мы “направили” наше видение этих процессов на то, что происходит у нас. Как на “черную тень от тучи” Третьей мировой войны. К сожалению, как и предупреждение 90-х годов, этого не слышат.

Я безгранично признателен, что последние двадцать лет мне посчастливилось вновь плодотворно и активно сотрудничать с Юрием Ивановичем. Работалось с ним легко, с необычайным удовлетворением.

Своей гражданской позицией, своей активностью и энергией он вдохновлял меня, как и всех своих коллег, на активное сотрудничество в это печальное время, когда Украина, к величайшему сожалению, теряет свои мировые интеллектуальные позиции.

Мы будем всегда помнить Юрия Ивановича — многогранного ученого, пламенного патриота, до последнего преданного работе, и просто замечательного чуткого человека.

Юрий Бородянский

Повесть о стоящем человеке

Недавно ушел из жизни Юрий Иванович Саенко, выдающийся ученый, с чьим именем были связаны целые пласты в становлении и развитии современных экономики, кибернетики и социологии. Все дело в том, что Юрий Саенко как творческая личность, человек, делающий живую науку, измерялся по своей собственной шкале

— самим Юрием Саенко. Исследование мировоззрения социума было его религией, настолько цельной была картина его собственного мира, в котором интересы основывались на колоссальном уважении к другим людям. Именно поэтому путь Саенко-ученого по жизни поистине был “глубоким бурением” этой самой жизни, как бы парадоксально ни залегали ее пласты.

Юрий Иванович всегда был ультрасовременным — а делает человека таковым способность создавать новое — даже то, чего могло бы и не быть без него. Новизной окрашены “вехи” и даже целые “эпохи” одной судьбы — с ней переплетаются судьбы интереснейших современников. Доктор экономики и социологии, заведующий отделом социальной экспертизы Института социологии НАНУ Юрий Саенко пережил всякие режимы — и сталинизм, и оттепель, и махровый застой, но его всегда отличала нацеленность на то, чтобы решать в настоящем проблемы будущего.

И в разные времена, когда в социальной жизни украинцев все происходило “поперек логики”, Юрий Иванович... ее восстанавливал — только так в науке что-то меняется — и течения, и климат, что позволяет ей обрести нормальное русло, что, в общем-то, и составляет престиж науки.

О научных интересах

— Я работаю над новыми методами математической статистики, применяемыми в социологии. Многие социологи не догадываются, что для каждого математического метода существует своя область применения, иначе он дает искажения, — рассказывал в последней нашей беседе Юрий Иванович. — Кроме того, я исследую риски и шансы развития общества. Ведь самое главное, что нами движет, — это поиск новых шансов выживания. Меня интересует, на чем же держится наше общество, в чем основа его консолидации. И поэтому, на чем я сегодня настаиваю, — в социологии нужно изучать социальную энергию (волевою, психологическую, идеологическую). Словом, я нашел себя в социологии — это сообщество питает меня исследовательской энергией.

Социологи приняли ученого в свой коллектив, хотя, как признавал он сам, мышление у него кибернетическое. Жизнь складывалась непросто — кибернетика, экономика и социология опережали время, а на дворе махровым цветом цвел застой, к тому же на пути встречались чиновные непрофессионалы. Да и когда ученым в нашей стране было легко?

Юрий Саенко пришел в Институт социологии НАНУ в 1988 году. Вскоре там был создан отдел социальных экспертиз, который он возглавил, успев в свое время побывать и заместителем директора по научной работе. Ученый структурировал ежегодный мониторинг Института социологии НАНУ, а исследования его отдела о социальных последствиях Чернобыльской катастрофы хорошо известны среди специалистов. О том, насколько обширна сфера научных интересов Юрия Ивановича, свидетельствует тот факт, что не так давно три его аспиранта успешно защитили кандидатские диссертации в Институте кибернетики НАНУ, в Институте экономики НАНУ и в Институте социологии НАНУ. Есть школа, есть отдел, в который большинство исследователей пришли со студенческой скамьи. Есть фундаментальные научные темы.

Я задала вопрос ученому: “Какой период своей жизни и работы на стыке наук Вы чаще всего вспоминаете?”

— Время утверждения кибернетики. Это было золотое время. Часто о “шестидесятниках” говорят как о диссидентах. Конечно, это потрясающие люди, жертвенники. Но тогда же появилось очень много людей, во всех сферах творящих жизнь в этих жутких условиях. Был потрясающий всплеск в науке, искусстве, литературе, везде процветало новое видение мира, все кипело и возрождалось. В Институте кибернетики сотрудники интересовались всем — биологией, медициной, математикой, техникой, социумом. Приглашали на творческие встречи известных ученых и

актеров, слушали Высоцкого, воплощали свои идеи в собственном театре и на киностудии. Такой триумф интеллекта с 1960-х годов не повторяется — сейчас по сравнению с тем временем мы пребываем в какой-то интеллектуальной “яме”. И никто не изучает почему.

К примеру, с подачи Виктора Глушкова, — продолжал Юрий Иванович, — была внедрена повсеместная автоматизация, и это было правильно, потому что когда появились персональные компьютеры, люди были к ним подготовлены. Но у нас произошла настоящая трагедия с кибернетикой, с компьютеризацией. Такая же, как в то же время с автостроением — мы очень обрадовались, когда в 1960-х годах “Фиат” продал нам завод вместе с технологиями, и до сих пор клепаем “Жигули”, не в силах удержаться на рынке. А итальянцы, избавившись от устаревшего хлама, пошли дальше. В начале 1970-х годов американцы предложили нам купить электронно-вычислительные машины и технологии — так называемую “линию ЕС”. Их закупил весь социалистический лагерь. Это был тупик. Глушков был против — он боролся, ездил в Москву, доказывал, что эти огромные машины нам не нужны, что у нас самих есть перспектива. Тем более что к тому времени им уже была разработана машина “Мир”, первый прообраз персонального компьютера, размером с небольшой письменный стол. Тогда Глушков и команда получили Госпремии, но на этом продвижение “Мира” на наш рынок закончилось. Такое решение приняла Москва. Если бы изобретение Глушкова получило развитие, у нас бы была совсем другая история с кибернетикой.

Становление характера

Удивительно, но факт, — еще с подросткового возраста Юрий Саенко умело преодолевал весь кошунственно-маразматический “диссонанс” советских режимов, не вступая с ними в “резонанс”, — как будто был готов к этому, — и без надрыва и без пафоса находил конструктив на своем собственном пути, — и за ним всегда шли. Поскольку этот путь не был “поперек логики”.

А началось все с мечты. Юный Юрий Саенко, окончивая школу в селе Лысая Гора Николаевской области, хотел учиться только в Киеве и только в пединституте. Стать сельским учителем математики. Будущее было четко расписано, и о том, чтобы опережать время, не было и намека. Любимая учительница математики как раз к моменту окончания им вуза должна была выйти на пенсию. Ее звали Елена Дмитриевна Позняк, и была она из семьи известного на всю округу фельдшера Фиалковского. Ее сын, Павел Позняк, стал известным киевским журналистом. Такие семьи сельских интеллигентов всегда определяли совесть нации.

А надо сказать, что подростка Саенко всегда отличали своеволие — он никогда не делал того, что не нравилось, — и на удивление критическое отношение к жизни: можно сказать, что он был юным диссидентом.

Родился Юрий в 1936 году в Запорожье, где его отец работал сначала на Днепрострое, а затем закройщиком на швейной фабрике. С началом войны семья переехала на родину — в село Лысая Гора на Николаевщине. Лучшего закройщика, чем вернувшийся с фронта отец нашего героя, в округе не было. Поэтому жили хорошо. В 1949 году в село провели электричество, и отец на последний день купил радиоприемник, который принимал короткие волны, и стал слушать “Голос Америки”. В его отсутствие крамольные передачи слушал сын и осознал уже, что живет по двойным стандартам. Дядя Юрия до войны работал директором школы, а с войны он не вернулся. У него была большая библиотека, остатки которой хранились на чердаке, — любознательный семиклассник предпочитал читать справочники.

Шел 1951 год, еще Сталин был жив. На одном из уроков Конституции учительница начала рассказывать, что самый большой и красивый город на свете — это Москва. Отличник Саенко встал и заявил, что это ложь, ведь на свете есть Рим, Лондон, Париж. Учительница стала кричать, а примерный до того ученик начал ее перебивать, цитируя статистические данные... Она со слезами убежала из класса. При-

шел директор и отстранил подростка от уроков. А после обеда состоялся “разбор полетов”, где присутствовали директор школы, секретарь райкома партии по идеологии, который, кстати, был мужем той учительницы, и начальник районного КГБ, да и отца пригласили. Долго допрашивали паренька, где он взял провокационные данные о буржуйских столицах, а потом решили, что семью надо выселять. Но поскольку отец был главным закройщиком в ателье и обшивал всю местную “элиту”, юного строптивца просто исключили из школы до конца четверти и поставили “тройку” по поведению. К счастью, вскоре он перешел из семилетки в десятилетку.

А большое село Лыса Гора — десять тысяч жителей, райцентр — было для юного Юрия благодатным краем. Он рос в атмосфере всеобщей любви к детям, когда однопосельчанин мог и похвалить, и отругать чужого малыша, и даже чему-то научить его. Фруктовые сады, виноградники, плодородные земли помогали крестьянам выживать. Жили с того, что ночами и по праздникам обрабатывали огороды. Колхоз не платил за трудодни, но оброком на яйца и на молоко была обложена каждая семья, независимо от того, были ли в хозяйстве куры и корова. В зажиточном селе жители перебивались с хлеба на квас, а потом и культура того же виноградарства была утрачена. На фоне такой страшной обдираловки после войны вышло постановление Сталина о том, чтобы обложить налогами фруктовые сады, каждое дерево. Все село в трауре рубило и корчевало деревья. На всю жизнь Юрий запомнил, как его дед, мощный, двухметрового роста, железный человек, вырубал сад, проклинал Сталина и плакал. И выгонял внука в сарай — учить стихи о вожде, заданные в школе.

Село было своеобразное: в большинстве его населяли украинцы, много было молдаван, болгар и около ста семей оседлых цыган — знатных музыкантов, кузнецов и колхозников. Также было очень много евреев — во время войны многие выехали в неизвестном направлении, а тех, кто остался, фашисты расстреляли. Пулеметные очереди косили евреев и прошивали души лысогорцев. Долго сеяне ходили, как чумные... А когда село освободили, в 1944 году, вышел правительственный указ, подписанный Берией и Жуковым, — о переселении всех украинцев в Сибирь, на Колыму. Но поскольку власть сочла, что для такой массовой депортации не хватит транспорта, то решили украинцев оставить на своей земле. Ведь с депортацией нужно было уложиться в три дня, иначе обычно начинаются восстания.

И у зла есть нормы — иезуитские. В каждый райцентр Украины партия “завозила” в среднем по тридцать семей из России, главы которых назначались на все первые посты района, вплоть до директоров школ. “Ценным” кадрам и жилье в Лысой Горе нашли — в одну ночь вывезли в неизвестном направлении “врагов народа”. Так в многонациональном селе появились и русские люди.

Директором средней школы стала Клесова, фронтовичка, “брошенная” на укрепление интернационализма. Она вызвала десятиклассника Саенко за полгода до выпуска и сказала: “Я надеюсь, ты умеешь писать диктант. Бери ручку и лист бумаги — и если хочешь поступить в институт, пиши!” И продиктовала заявление в комсомол. Через несколько дней “несостоявшегося диссидента” вызвали в райком комсомола и без вопросов выдали комсомольский билет...

Педагогика на пробу

Итак, выпускник Саенко, который ранее не бывал в крупных городах, прибыл в столицу. Шел 1954 год. В педагогическом институте на специальность “математика” было восемь человек на место. В комнате общежития проживали восемь абитуриентов — и все поступили. Юрий дал себе наказ — обязательно вернуться в родное село, взяв от института профессионализм и насытившись культурным богатством Киева: театры, кино, музеи... Конечно, занимался и спортом — волейболом. Уже перед пятым курсом в институт на него пришла “разнарядка” из области. Но... он влюбился в киевлянку, а она настаивала на женитьбе. Юрий поставил ей условие, что они поедут по распределению в Лысую Гору. Отец начал строить на подворье новую хату. Но под ко-

нец учебы оказалось, что в Киеве есть два места учителей, их и предложили молодой семье. Супруга не устояла перед соблазном остаться в столице. Юрий же был в отчаянии, поскольку даже за пять лет не привык к городу. Но не разрушать же семью... Так они оказались в четырнадцатиметровой комнате коммуналки вместе с матерью жены.

Два года Юрий проработал в 36-й школе на Сталинке, где его семью и поставили на квартирный учет. Ему очень нравилось быть учителем. Преподавал он математику и черчение.

Молодого учителя школьная “старая гвардия” не щадила — его “разбирали” на каждом педсовете. Например, за то, что “унижал” достоинство учителя, катаясь с пятиклассниками на лыжах в Голосеевском парке, — дети учили его, жужанина, скатываться с горы, все падали, смеялись, а потом вместе вернулись в школу и пили там чай... Еще педагог нарушал принцип коллективного порицания, вызывая родителей учеников по одному, дабы никто посторонний не знал, хвалят или ругают их ребенка.

Юрия Саенко всегда отличала удивительная толерантность. Поэтому педагогика подошла ему, как отличный костюм, сшитый у лучшего портного.

Новейшие задачи: планирование и прогнозирование

В 1961 году друзья позвали Юрия в только что созданный Вычислительный Центр Академии наук Украины, на должность инженера с окладом в 110 рублей, что было немаловажно — школьный учитель получал тогда 68 рублей. Да и работать у самого Виктора Глушкова оказалось очень интересно, ведь Вычислительный Центр был прообразом Института кибернетики Академии наук.

И здесь наш герой приобщается к остросовременным на ту пору научным темам, — они и сейчас несут в себе некий отблеск новизны и актуальности, хотя стали уже историей.

В 1962 году Глушков, читая лекции в Совмине и Госплане, нашел задачу для своего Центра. Нужно было спланировать сеть средних школ по стране, количество учеников и учителей. Юрий Саенко вместе со специалистами Госплана приступил к этой работе. До этого план развития школьной сети формировался преимущественно по письмам и жалобам местных и народных депутатов, которые рассматривались в ЦК КПУ, после чего в Госплан УССР поступали указания, где и какую школу нужно строить. Понятно, что такая практика планирования не имела ничего общего с реальной ситуацией. Поэтому учеными была разработана специальная анкета из сорока показателей, которую заполняли в пятистах районных центрах и в тысяче городов республики, скрепляя подписями и печатями местных руководителей. Анализ ситуации и выбор оптимального плана по такому объему данных могла осуществить только большая ЭВМ. Она составила перспективу на год, а также на пять лет вперед.

Кибернетический план развития отрасли был разработан впервые в СССР. Об этом несколько раз писали “Известия”. Глушков делал доклад в Совмине, рисовал прекрасные перспективы планирования при помощи ЭВМ, — он был не только гениальным ученым, но и искусным пиарщиком.

— У Глушкова было стратегическое мышление, как ни у кого в те времена. В 1960-е годы он говорил нам, что скоро появятся электронные деньги, которые мы будем снимать с карточек... Он видел, как будет проходить компьютеризация, и был идеологом создания автоматизированных систем управления, — вспоминает Юрий Иванович. — После того его доклада в Совмине я сказал ему: “Вы говорили даже о таком, чего нет в нашей задаче”. Он ответил: “Я говорил о возможных перспективах, нужно, чтобы люди понимали, что будет дальше. Это раз. А во-вторых, чтобы дело шло, иногда нужно применять нестандартные приемы. Когда в России в начале XX века изобрели автомат, который продавал пирожки, торговцы кричали: *Бросайте ваш пятак, и из него автомат сделает готовый пирожок.*

Глушков разработал концепцию автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР), — рассказывал Юрий Иванович. — Ее стали внедрять по всему Союзу, а

при Госплане в 1966 году организовали свой Вычислительный Центр. Меня туда отправил Глушков на должность заведующего отделом. А я еще не защитил диссертацию, к тому же беспартийный... Но авторитет Глушкова много значил. А там уже зарплата 240 рублей. Под Вычислительный Центр Госплана специально построили здание на Печерске, на бульваре Дружбы народов, 28, поставили самые современные машины. Всех сотрудников отдела мне пришлось обучать по ходу дела. Правда, среди них было два сексота — они еженедельно докладывали первому отделу о том, что и когда я говорил. А надо сказать, в первом отделе меня недолюбливали и считали националистом. Тем более что отдел был ведущим в СССР по планированию уровня жизни, и ко мне со всех краев приезжали специалисты то за консультацией, то за опытом, то за утверждением своих разработок.

Тогда отдел Саенко впервые в Союзе построил прогноз численности школьников и потребности в учителях для всех областей Украины, в городах и селах — на период с 1966 по 2005 год.

Юрий Иванович защитил первую диссертацию под названием “Экономико-математические методы планирования и прогнозирования развития социокультурных учреждений в Украине” уже в Институте кибернетики Академии наук Украины.

— Когда я вдруг стал начальником отдела, в 28 лет, пришлось ломать себя кардинально: я ведь был человеком увлекающимся и не очень организованным. Ответственности и четкости научили, во-первых, подчиненные — если потребуешь, сам подавай пример; во-вторых, сам характер работы — требования в Госплане были очень высоки; а в-третьих, в учителях у меня были высококлассные специалисты Госплана — Леонид Черкашин и Мария Макарова. А они были людьми творческими, с чутьем нового.

Мой профессиональный рост был заслугой и школы Глушкова, с которой я не терял связи, посещал научные семинары, — рассказывал Юрий Иванович об очередном этапе своей жизни. — В 1964 году я уже знал о социологии, и в первых моих работах у Глушкова уже проводил социологические исследования. В 1966 году я, единственный от Украины, поехал в Сухуми на первую социологическую конференцию. Тогда социология вырвалась на свободу, ведь до недавнего времени она была “продажной девкой империализма”, как и кибернетика, которая была реабилитирована первой, и генетика, которая еще долго ждала своего часа. В Сухуми я познакомился с Татьяной Заславской, потом мы сотрудничали, встречались на конференциях, — я дружил не с московской школой социологов, а с новосибирской, поскольку они были ближе к практике, к планированию и прогнозированию.

Наука и лицедейство

Параллельно со страстью к науке у Саенко обнаружилась и страсть к лицедейству. Сотрудник Института кибернетики Леонид Сапожников придумал сказочную страну Кибертонию. Три года кряду вся Академия наук встречала Новый год сначала в Театре юного зрителя, а потом в тогдашнем Октябрьском дворце, — причем давали по три самостоятельных представления подряд, поскольку киевляне просто ломались на них. В этой сказочной стране, где даже Виктор Глушков получал новый “паспорт” и заново регистрировал “кибербрак” со своей женой, Юрию Ивановичу досталась весьма почетная роль — самого Дона Кибертоня, он и правил бал вместе с сеньориной Кибертиной.

А вскоре друг Юрия Ивановича Дмитрий Галенко при содействии Глушкова создал при Институте кибернетики киностудию, оснащенную профессиональной кинокамерой. Сначала сняли — в трех частях! — фильм “Лабиринт” по мотивам романа Джека Лондона “Любовь к жизни”, где Саенко играл главную роль, а потом была цветная картина “Аллегория”, посвященная Сергею Параджанову. Поскольку Параджанов был в опале, кагебисты прикрыли эту студию. После того, как фильм по Джеку Лондону занял первое место на фестивале любительских фильмов в СССР, а

потом и на Всемирном фестивале любительских фильмов в Чехословакии, Юрию Ивановичу предлагали кинокарьеру, но “наука не отпустила”.

Воспользовавшись тем, что в новую науку потоком хлынули молодые специалисты, Юрий Саенко организовал на базе ВЦ и Института экономики Госплана любительский театр “Набубім” (“На бульварі біля мосту”), сотрудники-актеры и режиссеры в течение трех лет выпустили пять спектаклей по собственным сценариям, ездили с ними по научно-исследовательским институтам. Они дружили с театром МГУ, тогда им руководил Марк Розовский — возили к ним комедию “Цветы для программиста” — и встречали гастролирующих москвичей у себя.

Пятнадцать лет Юрий Саенко руководил фотоклубом “Либідь” при киевском Доме ученых — он входил в десятку лучших фотоклубов СССР. Его снимки попадали в международные каталоги. Фотовыставки Юрия Ивановича в Институте социологии НАНУ проходили постоянно — как хроника реальности его собственных впечатлений — то от путешествий, то просто от мира достойных будней...

Шты вместо роз

Вернемся к 70-м годам прошлого века. Здесь коррективы в стройную канву трудов и дней Юрия Ивановича внесла отечественная бюрократия. Из ВЦ Госплана ушел директор-основатель С.А.Авраменко — и на его место прислали бывшего директора машинотракторного завода. Отношения с ним у ученого не сложились — и он ушел в Институт экономики Госплана.

В Институте экономики Госплана Саенко занимался проблематикой уровня жизни. Шел 1974 год. И задумался он — снова-таки, впервые в Украине — над созданием Индекса жизни, чтобы свести в единую систему все показатели по уровню жизни. Кстати, первый такой индекс был разработан еще в начале XX века в Европе на основании семи-восьми показателей. Интересно, что значения индекса по странам полностью отвечали показателям потребления мыла на душу населения. А японцы в конце 60-х годов, делая расчеты, использовали до двадцати показателей, а когда выстроили по списку все страны, их Индекс жизни соотносился с процентом туристов, выезжающих оттуда, что было вполне логично — чем более развита страна, тем больше путешествует ее население.

Располагая опытом и возможностями мощных на то время ЭВМ, Юрий Иванович, составляя свой Индекс, взял сто двадцать пять показателей и использовал громадный массив, охватывающий 27 областей по городу и селу. И все это за пятнадцать лет, с 1960 по 1975 год! После предварительного математического анализа, остановившись на семидесяти восьми ведущих показателях, он свел их к “одному знаменателю”. Саенко работал над этой задачей три года — и дважды ездил в МГУ читать на эту тему спецкурсы студентам-экономистам. Параллельно он занимался социологией, дополняя статистику данными опросов населения. Результаты получились ошеломляющими — они не укладывались в “прокрустово ложе” ни научного коммунизма, ни исторического материализма, а тем более в рамки социалистической плановой экономики. Для каждой области универсальной оказалась капиталистическая формула — “услуга идет за капиталом”, то есть, уровень развития сферы всех услуг прямо зависит от уровня мощности промышленно-производственного комплекса области. Именно этим объясняется то, что Ровенская область в начале 70-х годов была обеспечена детскими дошкольными учреждениями меньше, нежели Англия в 1789 году (именно в этой стране зарождалась культура детских садов). Киев и Донецк держались на первых местах, там база была, а в Западной Украине ее не было, поэтому за пятнадцать лет разрыв в уровне жизни был колоссальный. А компартия утверждала тогда, что стирается грань между городом и селом.

— В этой работе я сделал убийственный для того времени вывод — нужно учитывать человеческий фактор, важно, что страна делает для людей, а не для военно-промышленного комплекса, который “пожирал” тогда 80% бюджета. Я защищал свою

тему на ученом совете института в течение двух дней, — рассказывает Юрий Иванович. — Меня там мешали с грязью — и сделали мне запись в трудовую книжку, что я профессионально непригоден. Тогда было решено направить мой отчет в восемь отделов Госплана, которые имели дело с проблематикой уровня жизни. Четыре отдела высказались “за”, четыре — “против”. И я понял, что нужно уходить с работы, мне просто было стыдно перед своими сотрудниками. Да и на почти готовую докторскую диссертацию поставили клеймо непригодности. Шел 1978 год. Меня приглашали преподавать и в университет, и в институт гражданской авиации, но Институт экономики не давал мне характеристику. А как раз тогда Иван Зязюн, который впоследствии создал педагогический институт в Полтаве, открывал кафедру управления театральным делом в Институте театрального искусства имени Карпенко-Карого. Там готовили управленцев, бухгалтеров, администраторов всех учреждений культуры. Он взял меня на работу, а характеристика пришла “задним числом”.

Поворот к социологии

В театральном институте Юрий Иванович проработал до 1984 года. Преподавал высшую математику, теорию вероятности, статистику, экономику сферы культуры и социологию. Ему очень нравилось общаться с заочниками — те уже работали директорами домов культуры, администраторами. С ними лекции превращались в научно-популярные беседы, а меньше “четверки” преподаватель никому не ставил. А на защите курсовых работ великовозрастные студенты были оппонентами и рецензентами друг у друга. В то же время Юрий Иванович был членом Коллегии по экономическим делам Министерства культуры СССР. К тому же в 1982 году проводилось большое социологическое исследование, изучающее потребность населения в культуре. Всего по Союзу разошлось 15 тысяч анкет, из них 5 тысяч по Украине. Саенко принимал участие в составлении анкеты и руководил этим исследованием в Украине.

В 1984 году Юрию Саенко предложили вернуться в Вычислительный Центр Госплана. Он поставил условие, чтобы ему открыли новый отдел. Леонид Черкашин договорился об этом, но тут “аукнулась” неприязнь к ученому пресловутого первого отдела. Через несколько дней Юрия Ивановича вызвали в милицию и стали грубо “шить дело” о... соучастии в каком-то убийстве, причем допрос вели и милицейской следователь, и кагебист. Ученый протокол не подписал, но его обещали вызвать еще... Пришлось навсегда отказаться от этой работы, но с помощью Черкашина он попал в другой Вычислительный Центр — Министерства просвещения, причем сразу заместителем директора по науке. Там проработал четыре года, плотно занимаясь социологическими исследованиями в сотрудничестве с Полтавским пединститутом.

В 1988 году тогдашний директор Института международных отношений академик Юрий Пахомов пригласил Юрия Ивановича в создаваемый им Институт социологии Академии наук Украины. Там Саенко в 1990 году защитил докторскую диссертацию на тему “Социально-экономический анализ: теория и методы”. Хотя с защитой, как у нас водится, получилась заминка — диссертацию сначала не утверждали в Москве, поскольку ... вслед ей из Киева прибыло две “телеги” от “доброжелателей”. А так как диссертация была написана “на стыке” экономики и социологии, ее отправили на рецензию к двум академикам — социологу и экономисту, и те дали блестящие отзывы...

Сложность задач, которые ставил перед собой ученый, всегда шла по нарастающей.

— Что Вас вдохновляет сегодня, Юрий Иванович? — спросила я в последней беседе.

— Состоявшаяся независимая Украина. Родной институт, особенно мой отдел. Семья, близкие и друзья. Я благодарен судьбе за то, что Бог посылал мне замечательных людей, которые помогли мне стать настоящим ученым.

С 1992-го по 2007 год отдел социальной экспертизы Института социологии НАНУ под руководством Юрия Ивановича Саенко проводил мониторинг социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы. Исследование было фундаментальным, но как только финансирование закончилось, отдельные вопросы из него “перекочевали” в общеинститутский мониторинг.

В 2014 году восемь ученых Института, в том числе и Юрий Саенко, стали лауреатами Государственной премии Украины в области науки и техники — за разработку системы показателей для измерения социальных изменений в украинском обществе (Социальный мониторинг 1992–2014 годов).

А последние идеи Юрия Ивановича воплотились в научно-исследовательской работе отдела социальной экспертизы “Социальные проблемы цивилизационного выбора украинского общества”, рассчитанной на 2015–2017 годы.

Научные идеи Юрия Ивановича Саенко продолжают жить своей жизнью в его коллективе — как и атмосфера, заданная его личностью и его творчеством, — вот ведь насколько действенной бывает память. Память о стоящем человеке. И о том подлинном и настоящем, что он создал и на что он вдохновлял украинских ученых.

Ирина Кириченко

Человек, талантливый во всем

Серым мартовским днем не стало Юрия Ивановича Саенко... Осиротел его отдел, осиротел Институт, вся украинская социология. Мы потеряли не только блестящего ученого, но и замечательного человека, служившего нравственным камертоном для многих людей, сверявших по нему свои жизненные поступки, межличностные отношения, оценки научной деятельности. Мы привыкли, что он всегда был константой нашего институтского бытия, и даже зная, что он давно болеет, верили, что он и на этот раз справится с болезнью. Но судьба распорядилась иначе — Юрий Иванович не дожил до своего 80-летия 7 месяцев...

Пытаясь мысленно воссоздать жизнь Ю.И. Саенко, я обратился к архиву журнала, чтобы уточнить, на какие факты его биографии делались акценты в поздравительных приветствиях по случаю его юбилейных дат, но с удивлением обнаружил отсутствие каких-либо материалов на эту тему. Пусть строки, написанные по столь печальному поводу, хоть в малой степени восполнят этот пробел.

В социологии Юрий Иванович пришел довольно поздно, имея за плечами многообразный трудовой и жизненный опыт. Вот лишь некоторые вехи его биографии. В 1959-м закончил физико-математический факультет Киевского педагогического института по специальности математика. В 1969-м — аспирантуру Института кибернетики АН Украины, защитив кандидатскую диссертацию в том же году. С 1959 по 1961 год учительствовал в СШ № 36 г. Киева. С 1961-го занимался научно-исследовательской работой в Институте кибернетики, НИИ Госплана УССР в качестве заведующего отделом, с 1978 по 1984 год — на преподавательской работе в Киевском театральном институте. В период 1984–1988 — заместитель директора ГВЦ Минпроса УССР, с 1988 г. — ведущий научный сотрудник Института философии АН УССР (в открывшемся тогда Отделении социологии). С 1990 года и до конца своих дней работал в Институте социологии, который стал для него поистине вторым домом.

С 1964 года Юрий Иванович специализировался в области экономико-математического моделирования, социально-экономического анализа, прикладной социологии, проблематики уровня жизни. В ноябре 1991-го защитил докторскую диссертацию по экономической социологии. С 1991 года более 20 лет возглавлял коллектив, который вначале имел название “отдел методики социальных программ проектов”, а впоследствии — “отдел социальной экспертизы”, всегда умело сочетая административные функции с плодотворной творческой деятельностью. Его основные труды, написанные лично или в соавторстве, — “Трудовые ресурсы Украины”

(1978), “Экспертные оценки в социологических исследованиях” (1989), “Моделирование показателей социальной инфраструктуры” (1991), “Социальные последствия Чернобыльской катастрофы” (1996), “Социальная экспертиза в Украине: методология, методика, опыт внедрения” (2000), “Соціальні ризики” (т. 1 – 2001, т. 2 – 2004) по праву считаются классическими, на них учились и будут учиться студенты, аспиранты и молодые ученые.

Будучи крупнейшим отечественным специалистом в области методологии системных исследований, Ю.И.Саенко одним из первых в Украине поставил вопрос о необходимости создания национальной системы социологических показателей, неустанно ратовал за социальную экспертизу всех без исключения управленческих решений. Но если в доперестроечные годы бюрократам и перестраховщикам удалось затормозить творческую самореализацию пытливого аналитика, то после 1991 года Юрий Иванович уже умел доказательно общаться с чиновниками, отстаивая необходимость тех или других социальных проектов. Пришло и международное признание: профессор Саенко был экспертом по гуманитарным вопросам Представительства ООН в Украине, членом Европейской социологической ассоциации, экспертом МАГАТЭ по социальным проблемам Чернобыльской катастрофы.

Под научным руководством Юрия Ивановича вышло сравнительно немного защищенных докторских и кандидатских диссертаций, зато все они были с 100%-м знаком качества. Гораздо большему числу молодых исследователей он привил основы культуры научного труда, высокие нравственные критерии оценки своей творческой деятельности. На его понимание, помощь и поддержку всегда можно было рассчитывать. Он был исключительно порядочным, интеллигентным человеком. Он мыслил широко, стратегически, системно, как ученый шел чуть впереди своего времени, всегда находил нестандартные, оригинальные пути решения проблем. Его лекции и выступления всегда магически завораживали слушателей. Безупречная логика неизменно сочеталась в его выступлениях с графическим отображением сказанного. Доска, мел или фломастер, схематический показ причинно-следственных связей и рядом – красивый седовласый мужчина, похожий на художника эпохи Возрождения.

Он и был таким – широко эрудированным, самобытным, разносторонне одаренным человеком. Его каллиграфический (“чертежный”) почерк приоткрывал мысль, отточенную буквально до каждого слова. Он хранил в памяти огромный объем знаний и художественных образов, которыми щедро делился с коллегами. В его уникальной натуре гармонично сочетались строгость математика и романтизм художника, рациональность и эмоциональность. В виде хобби он делал графические наброски, писал стихи, но главное – был фотографом высшей пробы. Чему бы ни были посвящены его фотоработы – портрет деда, бабочка, подрагивающая на цветке, живописные ландшафты родного края, городские пейзажи, привезенные из многочисленных зарубежных поездок – в них пульсировало сердце Мастера, в них было запечатлено его глубинное зрение.

Как и все творческие натуры, он предпочитал свободную одежду – свитера, жилет нараспашку, берет и разные аксессуары изящного дизайна – потрясающе красивые очки, ручки, футляры, а как математик – был аккуратистом, любил, чтобы все вещи на столе лежали на своих местах.

При всем масштабе его личности и артистической внешности он был скромным человеком, начисто лишенным тщеславия, никогда не выпячивал себя. Просветительство было его призванием, в течение многих лет он дарил журналистам, берущим у него интервью, авторство статей, ему было важнее, что его мысли дойдут до читателя. В его письменном архиве последнего десятилетия значительное место занимают экзистенциальные размышления о сущности человека, творчестве, счастье. Даже от мимолетных встреч с ним в коридорах Института, от обмена мнениями, репликами становилось светло, появлялось чувство надежности и радости, что в твоей жизни есть такой мудрый собеседник.

Юрий Саенко неравнодушно относился к судьбе Украины, переживал за нее всем сердцем, был подлинным патриотом. Вот его слова, сказанные в 2014 году: *“...на початку 90-х років минулого століття я писав, що суспільний порядок зміниться через двадцять років — для цього буде досить становлення одного покоління. Виявилось, зусиль одного покоління недостатньо. Напевно, більш дієвим буде наступне”*. Не каждый обществовед решится на признание неточности своего прежнего прогноза. Не могу не упомянуть и такой момент. В его яркой публицистике на протяжении многих лет сквозило акцентированное неприятие советского строя и советского типа человека. С этим можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя отказать автору в интеллектуальной честности. Это был его персональный, незаемный взгляд на историю, его выстраданная, в чем-то субъективная, правда. Во всяком случае, такая позиция гораздо честнее, чем конъюнктурные кульбиты некоторых бывших партийных идеологов.

Одной из главных черт Юрия Ивановича было постоянное стремление к совершенству и саморазвитию. Научные работы он писал, максимально используя свое свободное время — выходные дни, отпуска и даже дни болезни. Он работал буквально до последних дней. Написанные рукой, надиктованные тексты тяжелобольного человека, тем не менее, излучали надежду. С его уходом острее начинаешь осознавать, что время дается всем в равной мере, но сколь много можно вместить в отведенный судьбой запас, если подходить к его расходованию ответственно.

Юрий Иванович своей жизнью доказал, как во все времена можно оставаться порядочным человеком. Он устоял, когда ему чинились препоны в УССР, он не поддавался материальным соблазнам и в эпоху дикого капитализма. Он всегда был внутренне свободен. Он прожил непростую, но достойную, счастливую жизнь!

...В телефонном разговоре, оказавшемся последним, поздравив Юрия Ивановича с наступившим 2016 годом и пожелав здоровья, я сообщил ему, в частности, что наше совместное эссе “Фотопознание”, ждавшее публикации долгое время, уже находится в печати. Он, к сожалению, не успел увидеть его изданным, но хотя бы узнал, что проделанная работа выйдет в свет в эстетично оформленном сборнике, и эта мысль теперь меня утешает.

Да, утрата невосполнима.

“От і все.
Поховали хорошу людину,
Повернули навіки у лоно землі.
Та неже ж
Помістились в тісну домовину
Всі турботи його,
Всі надії, жалі!”

— пронзительно вопрошал в свое время почти ровесник Юрия Ивановича, замечательный украинский поэт Василь Симоненко (“Дід умер”).

Теперь Юрий Иванович где-то там, где *“зорі єдиного Чумацького Пути”*, как он писал когда-то в своем стихотворении.

Но его влияние выходит далеко за рамки земной жизни. Он продолжается во всех, кто знал и любил этого человека, а значит, его бытие не окончено. Наша память о дорогом Юрии Ивановиче должна быть достойной света его личности.

Алексей Беленок